

Если мне приспичит удивиться, войти, нет, выйти за черту нормальности лица, то желалось сделать это чуть более лучше, элегантно, как в фильмах. На своем веку я, должен признать, видел не так и много историй, где мое естество выступало сторонним наблюдателем. Оно ведь, как в наше то время, все от первого лица. Кому не захочется прожить жизнь героя, злодея, или к примеру кузнеца, в далеком посёлке? Как не раз и не два, срывалось с моих уст, клеточная память, позволяла мне пережить немало событий от первого лица. В таком случае, когда дело заходило о фильмах и актёрах... это на подобии театра для людей двадцать первого века, столь же наиграно и неправдоподобно. Вот и сейчас, драгоценные слова, вопросы были сказаны, они рассыпались подобно песку и разбились как стекляшка, иль хрусталь.

Хм, мир несколько секунд моргал, вторил моим глазам и их удивлению. Слово пространство вокруг исказилось в рыбий глаз. Раздулось, расширилось и исказилось.

«Так вот что», в тихом омуте прозвучали эти слова. Понятные мне буквы не мои. Их молвил ошарашенный Рудэус, мой брат. Пусть брат и оказался кем-то другим. Кем именно? Если оглядываться на наши общие воспоминания, мне вырисовывалась картина... извращенца, что натягивает трусы на голову. А я ещё собирался воспитать из него достойного брата, которого я никогда не имел, к сожалению. Но тут не воспитывать — перевоспитывать, а это слишком тягостно на мою душу.

Неловкая тишина перебивалась слогами слов, которые неумело, с ленцой присущей пьяницам по пятницам у графофона.

«Ага», оповестил я, на вопрошающее утверждение брата моего дражайшего. И перед кем мне душу изливать теперь? А что имелось на уме у Руди? Ласковый Руди, несмышлёныш, так быстро повзрослел в Рудэуса. «Что будем делать?» Как мелкий шкет, что, впрочем, не исключено, Рудэус сжался, вдавил голову в плечи. Он подобрал скорости света, так быстро преобразиться не каждый солдат успеет. Переобуться только не успел.

Радости тот факт, что он перерожден, и прошел по тому же колесу Сансары, что и я, мне не прибавляло. В его тычущем на пол взгляде оказалось точно то же, что и у меня. Нам неприятно разузнать о правде. За ложью скрывалось что-то мягкое и теплое, пушистое и приятное. А вот правда — точно наоборот: холодное, резкое, неприятное.

— Что поделатъ, — рефлексировать мне не впервой, и как-то обособленно с этим заниматься не хотелось. Пусть. Я приму. Смирюсь и буду жить дальше с высоко поднятой головой. — не умирать же теперь. Уж если ты переродился, будь добр, развлекай.

— Кого?

— Меня.

Ровно год и три месяца, столько времени я называл брата уменьшительно ласково. В последующих своих воспоминаниях, считал его только и лишь только Рудэусом. Мой брат, с другого мира. Не считая духовного различия, оно касалось и ментального. Наши кровные узы не меняли то, кем мы являлись. Сказать наверняка, в свои первые года я мог с уверенностью. Сознание определяло бытие.

И так сложилось неприятно, что помешанный брат получил себе в распоряжение мысли и память этнического монголоида, в то время как мне достался европеоид. Да, знаю, различия минимальны, все же после третьей мировой, мало кто вообще задавался вопросом

национальности и этнических групп, но оставались знаменитые рода.

Какие были наши разногласия? Мелочными. Такими, которые забываются на второй день от их сотворения. К примеру поклоны, которые я на дух не переносил, да и скованность бедного зашуганного Рудэуса. Показалось, над ним измывались, или он ходил в учебное заведение, где по слухам, которые я знал, творилась полная анархия. Возможно родители не долюбили, но факт оставался фактом. Активность брата упала к минимуму, как только он узнал о мне. Как стало известно годом позже, причиной оказалась до боли детская, нет подростковая.

«Избранность». Хотел наш Рудэус считать себя необычным. Вот захватила мысль эта в плен и не отпускала разум взрослого, возможно. Признаюсь, честно, меня не менее сей факт разочаровал. Но, вспоминая массовые виртуальные миры, где НПС с любым игроком говорил, как с избранным, я просто смирился, принял это как должное. Пускай, в следующий раз не удивлюсь, когда узнаю о третьем или четвёртом перерожденном.

Кажется, был вторник. Не считали пришлые родители недели, лишь месяцы. В отличии от них, Лили, заботилась и о дне каждого календаря. Особо странно было на рождения. Отметка в день, когда нас с Рудэусом достали из мачехи, была, но праздновалась та не каждый год, лишь раз в пять лет и то на жизнь давались три цифры. Пять, десять и пятнадцать. Дальше не считали, сам мастак просчитывать свои же годы.

Вот небольшая сводка за год с небольшим по моим родителям и их слуге, ой, извиняюсь, прислуге.

Пол Грейрат. Высокий, подтянутый европеец, крепкого телосложения. Некоторые могут возразить и назвать такого накаченным, с чем я, в корне не согласен. Мой внутренний глазомер считает его просто сильным и подтянутым, не накаченным, как гномы или орки. Густая кнопа волос темно пшеничного цвета, и закаленная улыбка «крутого парня». Не раз и не два я потешался над тем, как отчим эту же улыбку растягивал и деформировал. Нам с Рудэусом ой как смешно было. Сложив общее понимание и оценив ситуацию, две взрослые головы в детских телах пришли к выводам, что тот являлся рыцарем. Да уж, не слишком много, помнится сам Пол упоминал какой он крутой рыцарь, и как лелеет в нас тропу меча. А вообще, Пол пусть и был моим, фактически ровесником, но оказался на редкость жизнерадостным парнем, любил подбрасывать ребенка вверх, и при этом улыбаясь проговаривать: «Высоко-высоко!» Видимо сил ему не хватало, запустить меня или Рудэуса так далеко, чтобы мы уже не падали назад.

В общем, человек он неплохой, азартный и весёлый. Иногда, точнее очень даже часто, слишком активный в сексуальном плане, аж за стенкой слышно, но любвеобилен тот только к Зенит, что не может не радовать.

Зенит Грейрат. Пышногрудая, благоухающая девушка расцветающего возраста. Таких «мам» любой «тролль» в моем мире, захотел бы водить в зал общих воспоминаний. Домохозяйка. Владеет заветной магией, коей не спешит делиться. Книга, что мы нашли, оказалась именно той, с которой она и училась, вероятно, ведь больше не из чего. Кроме домашних хлопот нагружает себя и внешним миром, а именно, небольшим садом и огородом. Даже деревце недавно посадила и не одно, а целых два. Глупая женщина, себе проблем только прибавляет. Разве жить сейчас не прекрасно? Зачем ещё куда-нибудь направляться? Сиди, погрей ножки в теплых лучиках солнца, посмотри на чистое небо своими столь же чистыми глазами, а как надоест, возьми и опусти свой взор. Тебе откроются заснеженный горный хребет, где высокие пики и незабываемые вершины.

Поля, рабочие, зелень и чистейший воздух. Честно сказать, а я скажу, не жизнь, а симулятор отдыха. Но ведь найдет себе чем заняться человек. Кажется, чем больше у нее свободного времени, тем больше усилий она прилагает к своему саду или огороду. У меня даже есть догадка с чего так энергия из неё бьёт ключом. Мы то с Рудэусом, не обычные дети. Проблем не доставляем, ведём себя относительно тихо. Забирать чужое время и плакать — работа малыша, а нас тут двое, но мы от подобного непосильного труда отказались и сидим в комнате за книгой, покорно ждем и бдим будущее.

Боюсь, заморозь нашу мачеху на несколько лет в кристал или ещё что, так она сойдет с ума и вовсе онемеет. Но, чего не отнять, так это заботу, с которой её улыбка направлена на нас. Принимать её приходилось с плоскостью напряженных сжатых губ.

Лили, или же Лилия. Служанка, горничная. Подозреваю многие могли представить, рабочую форму столь эротизированного образа что глаза разбежаться спешат, но спешу разрушить эти представления. От головы и до пят, это закрытая форма, без открытых мест на которые можно было бы поглазеть. Впрочем, достоинства у Лили есть, и эти достоинства упорно пытаются вырваться из душной формы. Шутки оставим. Поговорим о ней, ведь именно с ней творилась чертовщина.

Ко мне, служанка относилась с прохладой не свойственной для женщин, что наблюдала за ребёнком. Словно сторонилась, как плохого знака или приметы. Такая пассивная враждебность настроила бы маленького ребёнка против Лили, в лучшем случае, он был бы равнодушен. Но что я, есть Рудэус, который не раз цеплялся к её трусам, напяливая те себе на голову и хихикал, смотря на Лилию. Боюсь у неё может образоваться травма, могу только молиться, чтобы та переросла в Стокгольмский синдром.

И на самый конец, я взял Рудэуса Грейрата. Подросток. Извращенец. Мы договаривались не упоминать собственное прошлое и вообще его не затрагивать, но аналогия так и просится на руку. Видимо ощутив себя в другом мире, посчитал, что может делать что захочет. Вот и вытворял разное. Впрочем, плохим он от этого не становится, наоборот, забавным. Кому ещё я смогу напоминать о постыдных годах прошлого, как не ему? Человек, Рудэус, не плохой, будь он плохим, занялся бы точно не ношением трусов на голове. По виду, схож со мной, но все же отличия имеются. Мое лицо не запятнано родинками, как у Зенит, да глаза и волосы от неё, но вот лицом я вышел более в отца. Вернее, он мне так сам говорил.

Получается, мы с братцем не близнецы, а двойняшки.

Утро начиналось типично. Встал, умылся, прошел к столу, поздоровался со всеми, поел и будь здоров. Сыну рыцаря, что защищает деревню, нет причин пахать в поле или заниматься ерундой по типу собирательства трав. Не завидная участь и у отпрыска кузнеца, (да иных мастеритых умельцев, будь то шитьё, прачка, охота и так далее) он держит прямую обязанность перенять искусство. Впрочем, возможно я так завуалированно утрирую, все же у малыша нет особого выбора, и он идёт по той стезе, что до его рождения выбирал ещё давний предок. Муки выбора профессии, здесь отсутствуют как данность, впрочем, я же в деревне, может в городе с этим обстоит иначе? Два года уже, как я живу здесь, в мире меча и магии.

— Зенит, подай пожалуйста, — отдельно стоило упомянуть этого самого «Защитника деревни». Должность, более подходящая на титул, который выдаётся с начального квеста типичной ММОРПГ, за защиту этого самого посёлка. Сейчас, в данный час, он был одет не совсем в обычную одежду. Что-то более плотное и темное. Лицо не изменилось, но вот впервые вижу его

в таком одеянии.

— Папа, а ты куда-то уходишь? — Рудэус сидел слева от меня, Пол справа. Вопрос вызвал у Зенит легкое покачивание головы, в то время как Пол ухмыльнулся глупой улыбкой — верный признак того, что он сейчас будет хвастаться.

— Понимаешь сынок, в окрестностях, поговаривают, забрёл магзверь, и папе лучше выяснить что да как, с другими взрослыми, — вот оно, оказывается какое дело.

— Ты ведь победишь его? — может со мной переродился актёр? Снимается в дешёвых фильмах? Они давно на свалке.

— А как же! Верь в своего отца, я тебе не кто-то там, а сам Пол Грейрат! И мои сыны такие же, как и я, — обязательно было меня по голове гладить? Я ем вообще-то. Арг! Все дело в расстоянии! Ведь сижу ровно между Полом и Рудэусом.

— Постарайся, — тихо оповестил ожидающих моего слова окружающих. Буду честен, на эмоции я слишком беден, особенно после недавней пост перерожденческой депрессии. Меня бы оставили на пару лет в покое, и я бы вернулся бодрым. К сожалению, так не случилось.

После моих слов меня ещё несколько раз похлопали по голове и грустно усмехнулись, в то время как брат расхохотался по большому, чуть ложка из рук не выпала.

Малый змей. Он знал ведь, что так и будет. Игры разума какие-то.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/2713796>